

Эпизоды из жизни Л. Н. Толстого

Из воспоминаний Н. Н. Гусева,
бывш. секретаря Л. Н. Толстого

Друг молодости Л. Н. Толстого, тонко понимавшая многие его душевные движения, но несколько не сочувствовавшая его миросозерцанию последних лет, его двоюродная тетка Александра Андреевна Толстая, вспоминала о нем: «Достаточно было быть оборванцем или отщепенцем, чтобы возбудить интерес в Льве Николаевиче; зато эполеты, аксельбанты, генеральский чин и всякий выдающийся пост внушали ему непреодолимое отвращение.

Мне лично пришлось быть свидетелем этого «непреодолимого отвращения» Толстого к «эполетам и всякому выдающемуся посту».

За время моего двухлетнего пребывания в Ясной Поляне я наблюдал встречи его с тремя военными.

Первый был «внук дяди Ерошки», как он себя отрекомендовал,—старого казака Елишки, изображенного в «Казаках», в действительности внук его брата,—казачий полковник Д. М. Сехин, приехавший 20 февраля 1908 года. Он привез Льву Николаевичу привет от казаков той станицы Старогладковской, где он прожил два с половиною года; и это живое напоминание о незабываемых днях молодости было ему очень приятно. Лев Николаевич с интересом расспрашивал Сехина о тех местах и тамошнем народе, изменилась ли местность и люди за пятьдесят лет и т. д., и по его просьбе подарил станичникам свой портрет с подписью. Все это было хорошо, но «внук дяди Ерошки» совершенно напрасно не удовольствовался одним посещением, а через полгода, в сентябре 1908 г., явился вторично. Надобности ему во Льве Николаевиче никакой не было, и разговор был неукоснительный, тяжелый. Между тем, «чин» его (он был полицмейстером, кажется, в Тамбове) не мог не вызывать в Толстом отвращения. Он пробовал высказывать Сехину то, что думает о его службе, но тот ничего не понял. И когда я в этот же день зашел ко Льву Николаевичу в кабинет перед тем, как ему отправиться на прогулку, он, страдальчески улыбаясь (как это ему было свойственно), сказал мне:

— Довольно тяжело.

Второй военный приезжал при мне 6 мая 1909 г. Это был офицер Семеновского полка Назимов. Он говорил Льву Николаевичу, что служба ему тяжела, что он несколько раз хотел ее оставить, но либералы Ходский, Петрункевич, Куприн и другие угрожали его не уходить «в такое тяжелое время». Говорил, что он старается сделать, что можно, для предотвращения излишних жестокостей, и что в революцию 1905 г. ему удалось спасти от расстрела одиннадцать человек.

Лев Николаевич, повидимому, не заметил, чтобы он особенно тяготился своей службой, и сказал ему:

— Вы спасли одиннадцать человек, а если бы вы вышли перед строем солдат и сорвали с себя погоны, вы спасли бы, может быть, тысячу человек. Если вы оправдываете свою службу, это хуже всего. А надо помнить, что все мы грешны, и я грешен, и вас удерживает на службе только малодушие. Помогай вам бог все это описать, что вы пережили...

Наконец, третья встреча с военным произошла у Толстого в том же мае 1909 г. и приняла совершенно неожиданный оборот.

В марте 1909 г., по распоряжению департамента полиции, выслан был из Тульской губернии Владимир Григорьевич Чертков.

Толстой на сельской ярмарке наблюдает за распоряжениями урядника.

Он поселился в Московской губернии и тяжело переносил разлуку со Львом Николаевичем, ради близости к которому он и поселился было в усадьбе Телятинки, в трех верстах от Ясной Поляны. Мать его Елизавета Ивановна, имевшая связи в правительственных сферах, добилась пересмотра его дела. И вот 5 мая 1909 г. директор департамента полиции «секретно» сообщает тульскому губернатору, что министром внутренних дел командирован в Тульскую губернию причисленный к министерству полковник Лубенцов «для расследования имеющихся в министерстве внутренних дел указаний на ведение отставным гвардии штабс-ротмистром Чертковым противоправительственной агитации и пропаганды среди крестьянского населения».

Лубенцов приехал на станцию Щекино 22 мая и направился в село Ясенки и к старосте, откуда проехал в ясенковское волостное правление, где расспрашивал о Черткове земского начальника, старшину, некоторых крестьян и учителя. «Все эти лица, — доносил потом губернатору крапивенский исправник, — давали резкие показания на Черткова, доказывая, что у него бывали собрания, на которых распространялось неповиновение властям, неплатеж податей, неотбывание воинской повинности, и что в народе, в особенности у крестьян селца Ясенок, стало заметно неповиновение и неисправность по платежам повинностей со времени отбытия в селцо Телятинки на жительство Черткова. Молодежь стала отходить от церкви и прочее».

На следующий день, 23 мая, Лубенцов направился в дом Черткова в Телятинках, где жила тогда жена Черткова, Анна Константиновна, ее сестра Ольга Константиновна (первая жена Андрея Львовича Толстого) и другие лица, близкие семейству Чертковых. Однако, как доносил исправник губернатору, «жена Черткова, как предубежденная вообще против всякого начальства, под видом болезни с полковником не виделась».

В этот же день, 23 мая, приезжал к Чертковым и Лев Николаевич со специальной целью — поведаться с чиновником, ведущим дело его друга. Он приехал верхом около 4 часов дня. Некоторые домохозяды, узнавши о его приезде, вышли его встретить: вышел и полковник. Толстой ехал с

намерением поговорить «по душам» с этим человеком. Дело испортил один приезжий, гостивший тогда у Чертковых: он слишком любезно рекомендовал Толстому полковника. Лев Николаевич сурово взглянул на него и, не подавши руки, быстрым шагом прошел в дом. Затем через некоторое время вернулся, извинился и начал разговор, стараясь загладить свой поступок. Но полковник чувствовал себя оскорбленным, и разговор не клеился.

Вечером этого дня я зашел по делу ко Льву Николаевичу в кабинет. Он раскладывал пасьянс и был в очень смущенном состоянии. Сказал мне:

— Ведь вот, ехал туда и говорил себе: тебе придется иметь дело с этим человеком, смотри же, постарайся обойтись с ним с любовью. И вдруг...

В дневнике же Льва Николаевича на другой день появилась запись: «Нехорошо поступил с расследователем чертковского дела: не подал руки, а потом не сумел сказать, что нужно».

Последние слова объясняются тем разговором, который происходил через два дня, 25 мая, за обедом.

— Я ему сказал, — говорил Лев Николаевич, — что по моему возрасту — я с его отцом был приятелем — мне Столыпин представляется мальчиком, и этот мальчик распорядится жизнью почтенного человека, моего друга... Мне нужно было бы сказать ему одно: зачем он служит в этой отвратительной должности?

— А вы не сказали этого? — спросил кто-то.

— Нет.

— Напрасно, — сказал далее Лев Николаевич о В. Г. Черткове, — он этот дом построил, а то сказать бы им, выражаясь по-русски: убирайтесь вы все от меня к чортовой матери...

Что же касается полковника, то он не мог забыть «оскорбления», причиненного ему Толстым, и отомстил ему тем, что, захватив из Телятинок к местному священнику, сообщил ему, что он предполагал встретить его совершенно не в таком виде и сказал: «Это разрушенное что-то такое, в роде гроба».

Об этом с тою же исполнительностью поспешил сообщить тульскому губернатору крапивенский исправник.

Толстой за чтением

Л. Пастернак (Толстовский музей в Москве)

Приложение к журн. „Красн. Нива“ Offset. тип. Известий ЦИК СССР и ВЦИК.